

УДК 061.88 (100) (09) : 316.77 : 1

В. А. Куренной

Интернациональный аргумент в философской коммуникации XIX в.*

В статье рассматриваются процессы интернационализации научной коммуникации в период до Первой мировой войны на примере философии. Вводится понятие «интернациональный аргумент» и аналитически выделяются три типа апелляции к международному научному сообществу – прагматический, репутационный и коммуникативный. На примере философских дискуссий в Германии первой трети – конца XIX в. раскрывается место и роль коммуникативного интернационального аргумента в среде немецкой университетской философии в этот период.

This article examines the internationalization of academic communication in the period before World War I, taking philosophy as an example. It introduces the concept of “international argument” and analytically points out three types of appeal to the international community: the pragmatic, the reputational and the communicative ones. The author describes the character of international communication and its significance for German academic philosophy of the 1830s through the 1900s using German philosophic discussions that took place in the period in question.

Ключевые слова: международная коммуникация в науке, интернационализация знания, философская аргументация, Ф. Э. Бенеке, Г. Эббингауз, интернациональный аргумент.

Key words: International communication in science, internationalization of knowledge, philosophic argumentation, Friedrich Eduard Beneke, Hermann Ebbinghaus, international argument.

В настоящее время существует множество отдельных исследований и обобщающих работ, посвященных различным аспектам интернационализации [13] или, по выражению Юргена Остерхаммеля, формированию «интернационализмов» [26, s. 723–735] в общественной и политической жизни XIX – начала XX в. Применительно к области научной коммуникации отдельный круг исследований посвящен нарушению и слому этих процессов в ходе Первой мировой войны [32, s. 515–544], хотя при этом и отмечается, что «наше зна-

© Куренной В. А., 2014

* *Статья подготовлена в рамках работы над проектом по гранту Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Институциональная история философии: формирование профессиональной философии в немецкой институциональной среде XVIII–XX вв.» 12–03–00451 (а).*

ние этих событий все еще недостаточно и требует решительного улучшения» [32, s. 516]. На основании этих и других исследований можно сказать, что общая динамика процессов интернационализации знания в период XIX – начала XXI в. имеет разнонаправленный характер: интенсивный рост интернационализации в этой сфере, идущей во многом синхронно с интернационализацией в других областях общественной и политической жизни, сменяется периодами крайнего ослабления международной научной коммуникации¹. Начало Первой мировой войны – наиболее яркий пример подобной коммуникативной дезинтеграции: «В действительности, – замечает немецкий историк Вольфганг Момзен – после 1918 года ничто не осталось таким, каким оно было до 1914 года» [25, s. 8]. Война привела, в частности, к почти полной изоляции России от сетей спонтанной международной коммуникации на весь советский период. Приход к власти национал-социалистов в Германии и Вторая мировая война самым существенным образом изменили ландшафт международной научной коммуникации, в частности, Германия утратила свои позиции ведущего мирового научного и университетского центра. Процесс формирования интернациональных организаций особенно интенсивно разворачивается с середины XIX в.²: с 1848 г. в США устойчивую организационную форму приобретает движение за права женщин, в Женеве в 1863 г. начинает действовать организация Красного креста, а в 1864 г. в Лондоне при личном участии К. Маркса учреждается Первый интернационал.

В науке процессам интернационализации способствует представление о сообществе ученых как *res publica literaria*, унаследованное от рационалистического универсализма эпохи Просвещения и постоянно присутствующее в современной научной культуре [18]. Рост международных связей в науке совпадает с формированием современных институтов знания и прежде всего современных моде-

¹ В широкой исторической и региональной перспективе процесс этого чередования интенсификации и кризисов международных отношений в современной науке представлен в работе [3].

² Именно в это время К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» (1848) заявляют об общей тенденции к глобализации современного капитализма: «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература» [8].

лей университета, где лидирующую роль играет Гумбольдтовская модель исследовательского университета (1810), а также по мере стабилизации современных форм научной коммуникации – научных журналов и международных конференций. На рубеже XIX и XX вв. наука переживает настоящий организационный бум. Проходит множество международных научно-дисциплинарных конференций: в 1889 г. – первый Международный психологический конгресс (Париж), в 1897 г. – первый Международный конгресс математиков (Цюрих), в 1900 г. – первый Международный философский конгресс (Париж). Важную роль в ходе развития международных отношений в области знания имела международная мобильность студентов. Для России с конца XVII до начала XX в. определяющую роль играли связи с немецкими университетами. Поток русских студентов в Германию был значительным (в сравнении с общей численностью студентов в России) и увеличился в начале XIX в. В то же время резкое сокращение их численности – вплоть до полной приостановки в 1850 г. – приходится на «мрачное семилетие» (1848–1855) после революционных событий конца 1840-х гг.¹

С другой стороны, эти процессы, включая укрепление национальных институтов знания и образования, развиваются в условиях формирования и постепенного укрепления в Европе национальной модели государства [27]. Наука и образование начинают рассматриваться как элемент межнациональной конкуренции, ярким примером чего является распространенное мнение, что войну 1870–1871 гг. Пруссия выиграла у Франции благодаря превосходству своей школьной и университетской системы. На рубеже XIX–XX вв. формируются различные международные площадки, включающие в себя элемент соревнования, демонстрирующие достижения отдельных государств. Наиболее значительные из них – это Олимпийские игры (Афины, 1896), первая Всемирная выставка в Париже (1900), Нобелевская премия (1901), которая до настоящего времени является наиболее известной театрализованной версией демонстрации успехов национальной науки. За прошедшее столетие число различных форм подобной состязательности только выросло. Что касается сферы науки и образования, сегодня они включают такие формы, как индексы цитируемости в международных научных журналах, на повышение уровня которых, в частности, ориентированы меры гос-

¹ По данным А. Андреева количество русских студентов в Германии за период с 1698 по 1849 г. составило 926 чел., в том числе с 1698 по 1810 г. – 637 чел., а с 1811 по 1849 г. – 289 чел. [1].

ударства по стимулированию эффективности научных институтов в современной России. Не менее значительную роль здесь играют мировые «рейтинги университетов». Стимулирование повышения уровня национальных университетов в этих рейтингах сегодня рассматривается как один из инструментов развития «конкурентоспособности» национальной науки и образования¹. Эти направления современной научной и образовательной политики показывают, что значительную роль в них играет государство, стремящееся стимулировать повышение уровня «конкурентоспособности» национальной науки и образования (во всяком случае, в странах догоняющего развития, таких как Россия). Вторым направлением государственной активности в этой сфере является стимулирование процесса международной стандартизации и гомогенизации национальной научной и образовательной институциональной среды, в том числе за счет подписания соответствующих международных договоренностей². Стоит также отметить, что все эти меры воспринимаются частью научного и образовательного сообщества как враждебные по отношению к национальной науке и образованию. Во всяком случае, в России в настоящее время постоянно генерируется огромный пласт публичной критики как реформирования системы образования на основе Болонских соглашений, так и ориентации на международные индексы цитируемости и публикационную активность в международных научных журналах.

На фоне этих общих процессов и тенденций рассмотрим ряд исторических случаев, обнаруживающих, каким образом эти процессы интернационализации реализовались в рамках конкретного научно-дисциплинарного поля философии до начала Первой мировой войны. Нас будет интересовать развитие интернационализации внутри самого профессионального поля философской коммуникации, для чего мы проанализируем появление и развитие в нем такой коммуникативной формы, которую мы определим как *интернациональный аргумент*.

¹ Так, в России согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» эти меры должны обеспечить, в частности, «вхождение к 2020 г. не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов».

² Россия присоединилась к Болонскому процессу в сентябре 2003 г. на берлинской встрече министров образования европейских стран.

Под интернациональным аргументом здесь понимается эксплицитное указание на состояние научного знания за пределами национальных границ, используемое в полемических целях. Использование этого аргумента далее будет рассмотрено на выборочных примерах философско-гуманитарных дискуссий XIX – начала XX в. Необходимо отметить, что анализ философских дискуссий оформляется в настоящее время как отдельный эпистемологически-продуктивный подход в историко-философских исследованиях и, шире, исследованиях интеллектуальной истории¹, однако значение международного контекста и соответствующих приемов аргументации пока не рассматривались в этом контексте специально. При этом стоит добавить, что апелляция к международному коммуникативному сообществу вплоть до настоящего времени является одной из наиболее устойчивых фигур аргументации, используемой как в современных внутренних научных дискуссиях, так и при обсуждении направлений политики реформирования научных институтов, прежде всего в странах догоняющего развития, таких как Россия. В данной фигуре аргументации аналитически можно выделить три типа:

1) **прагматический**: обращение к зарубежному опыту и международной научной коммуникации необходимы, так как они более эффективны, чем национальные, способны повысить «конкурентоспособность» последних (подобная форма аргументации постоянно используется в современной российской государственной политике, нацеленной на реформирование сферы науки и образования)²;

¹ См., в частности, три тома, посвященные анализу трех «великих споров» в немецкой философии XIX в. [11], анализ «спора о психологизме» [23; 29; 6]. Общая классификация и анализ ряда основных дискуссий в немецкой университетской философии XIX – начала XX в. см. [5].

² Ориентация на различные индексы коммуникативной активности, рассматриваемые при таком прагматическом подходе как безусловные ориентиры научной деятельности, приобретает, как можно предположить, особенно острый, можно сказать, фетишизированный характер в странах догоняющей или подражательной модернизации. Александр Кьосев, анализируя специфику университетской политики в таких странах, отмечает: «Университет в своем современном виде – в Германии, Франции и США – базируется на идее истины, единстве знания и свободы, т. е. на фундаментальном принципе разума. А в романтическом и просвещенческом толковании "разум" означает, помимо прочего, и ту самую "универсальность", которая заложена и в названии университета, универсума знаний и культуры. Но, как оказалось, в странах процесса модернизации он, "универсальный университет", постоянно производит своих неуниверсальных двойников – локальные, провинциальные образовательные учреждения, возникшие по его образу и подобию и превратившие центральные вопрошания в широко известные положения, в "престижные" цитаты для провинции» [7, с. 96].

2) **репутационный**: зарубежные центры знания и образования являются наиболее авторитетными и влиятельными в данной области знания, поэтому необходимо им следовать, – именно такой тип аргумента в 1910 г. избрали для определения своей позиции в рамках манифеста «От редакции»¹ редакторы русского издания первого выпуска Международного ежегодника по философии культуры «Логос» – уникального международного проекта начала XX в., к случаю которого мы еще вернемся ниже;

3) **коммуникативный**: научная деятельность представляет собой особый вид коммуникации, предполагающий нормативное включение в общую рациональную аргументированную дискуссию, поэтому всякая самоизоляция указывает на нарушение нормы открытой коммуникации с научным сообществом.

Далее мы подробнее рассмотрим третий – коммуникативный – тип интернационального аргумента. На наш взгляд, он представляет собой наибольший интерес в плане фактического формирования международного коммуникативного саморегулирования сообщества ученых, поскольку обладает автономной нормативной значимостью². Формирование подобной сферы автономного саморегулирования и коммуникации указывает в то же время на процесс профессионализации научно-дисциплинарного знания, так как не-

¹ Ср.: «Мы по-прежнему, желая быть философами, должны быть прежде всего западниками. Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая ранее греческой, в настоящее время преимущественно немецкая. Это доказывает не столько сама современная немецкая философия, сколько тот несомненный факт, что все современные оригинальные и значительные явления философской мысли других народов носят на себе явный отпечаток влияния немецкого идеализма; и обратно, все попытки философского творчества, игнорирующие это наследство, вряд ли смогут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными» (От редакции // Логос: Междунар. ежегодник по философии культуры. 1910. Кн. 1. Репр. изд. М.: Территория будущего, 2005. С. 13). Статья от редакции не подписана авторами, основная редакционная коллегия журнала в это время включает С. Гессена, Э. Метнера, Ф. Степуна и Б. Яковенко.

² Коммуникативно-интерпретативная концепция научного знания эксплицитно сформулирована К.-О. Апелем (см. [2]). Эта концепция позволяет придать коммуникативному интернациональному аргументу значимый нормативный характер, хотя по своему смыслу эта нормативность не может быть редуцирована к фактическому состоянию, в том числе международной научной коммуникации (не исключена такая возможность, что фактическое состояние международной коммуникации в определенный момент может войти в противоречие с ситуаций «идеального коммуникативного сообщества ученых»). Однако хотя такая возможность и не исключена, этот вариант можно считать крайне маловероятным в существующих исторических условиях.

обходимый атрибут профессии – это наличие автономных норм саморегулирования [19; 28]. Два других типа интернационального аргумента, напротив, не являются автономными, поскольку или подчинены гетерономным целям (прагматический тип), или основаны на латентном признании авторитета и апелляции к нему (репутационный тип).

Становление и развитие коммуникативного типа интернационального аргумента в философско-гуманитарной среде мы можем зафиксировать, обратившись к его использованию в рамках крупных полемических дискуссий. При этом анализ случаев его использования в немецкой университетской философии XIX в. позволяет минимизировать влияние эффекта догоняющего развития, в контексте которого чаще всего используется прагматический или репутационный типы данного аргумента. В качестве отправной точки для анализа возьмем случай напряженной полемики Фридриха Эдуарда Бенеке (1798–1854) с послекантовскими философскими системами немецкими абсолютного идеализма.

Положение Бенеке в немецкой философии XIX в. является парадоксальным. С одной стороны, предложенный им в полемике с Кантом и немецким абсолютным идеализмом вариант философии сознания, основанный на ретроспективно-эмпирическом изучении сознания, следует признать одной из наиболее влиятельных по своим долгосрочным последствиям программ в немецкой философии XIX в., учитывая тот всеобъемлющий характер, который психологизм приобрел к концу XIX в.¹ В этом качестве основоположника радикальной версии психологизма Бенеке признавали все основные критики психологизма, включая В. Виндельбанда и Э. Гуссерля. Не менее значительное влияние Бенеке приобрел в сфере педагогики. В то же время его прямая полемика с немецкой классической философией, несмотря на ее острый характер, предвосхищающий многие последующие формы подобной критики, не имела никакого успеха в момент своего появления. В частности, его имя мы фактически никогда не встретим в исторических обзорах, посвященных «краху» философии Гегеля. Более того, эта критика имела своим следствием крайне негативную реакцию окружающего его философского сообщества как в лице самого Гегеля, так и других представителей

¹ Здесь, однако, можно говорить лишь о предугадывании психологизма, а не о прямом влиянии, которого он никогда не имел на главных представителей психологизма второй половины XIX в.

немецкой университетской философии, обвинявших его, например, в «беспринципности» (Карл Розенкранц). Это имело крайне отрицательные последствия для его университетской деятельности, что выразилось, в частности, в том, что у него дважды отзывали право на преподавание в университете (*venia legendi*)¹. Связано это было в том числе именно с тем, что Бенеке, внесший значительный вклад в трансляцию в немецкий философский контекст британской психологии и идей первого позитивизма, регулярно стремился использовать интернациональный аргумент в своих полемических сочинениях. Яркий образец такого использования представлен в его работе «Кант и задачи нашего времени», выпущенной к 50-летию выхода в свет работы И. Канта «Критика чистого разума». В этой работе Бенеке дает подробный критический анализ того состояния изоляции от международной научной деятельности, в котором Германии оказалась к началу 1830-х гг. Предлагая с этой точки зрения проанализировать последствия влияния Канта на немецкую философию, Бенеке отмечает:

«... вследствие господства философии Канта и философов, обязанных ему своим возникновением, наступил полный раскол в философских исследованиях между нами и всеми другими народами. Еще в середине прошлого века мы видим, как все народы сотрудничают между собой – как в других науках, так и в философии. <...> Еще и сейчас такого рода отношение существует между остальными философски образованными народами. <...> Только мы, немцы, исключены из этого союза и словно бы непреодолимыми границами отделены от всех других народов. <...> Уже на протяжении двадцати или, пожалуй, тридцати лет у нас не выходило почти ни одного перевода и даже никакого подробного рассмотрения какой-нибудь иностранной философской работы» [12, s. 7–9].

Критику обособления национальной философской среды от интернациональных сетей коммуникации можно считать первым вариантом современного интернационального коммуникативного аргумента в поле философской полемики. Бенеке не обращается ни к прагматическим, ни к репутационным аспектам состояния международной среды, акцентируя внимание лишь на самом фактическом состоянии связности немецкой и зарубежных философских сетей коммуникации в новой ситуации XIX в., когда *res publica literaria* эпохи Просвещения оказалась уже в прошлом. Однако Бенеке на останавливается на констатации разрыва немецкой и международ-

¹ Подобный изложение разнообразных обвинений в адрес Бенеке, а также анализ роли его работ для немецкой университетской философии XIX в. см.: [21, s. 69–88].

ной среды коммуникации и указывает, что данная ситуация имеет прогрессирующее негативное воздействие и на состояние философской коммуникации в пределах самого немецкого контекста, в частности, ведет к фрагментации внутринациональной коммуникации и как следствие к репутационным издержкам для статуса самой философии:

«Акции философии упали у нас ниже, чем где бы то ни было еще ... Уже лет двадцать как никакой посвященный исключительно философии журнал не пережил своего первого номера; почти никогда не выходят в других журналах философские статьи, а если это и случается <...>, то они нечитанные откладываются в сторону. В философских работах (число которых все более и более сокращается) цитируются в лучшем случае сочинения той школы, к которой принадлежит их автор; других для него не существует; и дошло уже до того, что даже никакая полемика больше невозможна между противостоящими друг другу партиями. Для них потеряны любые общие связующие точки; что для одного белое, то для другого черное, начиная от первых основных понятий и положений; язык одной школы абсолютно непонятен другим, и скоро дойдет до того, что каждый начнет говорить только сам с собой. Значит пришло время обратиться нам к самопознанию того бесчинства, которое уже долго творится у нас с самым высоким и священным под предлогом изложить внутреннюю сущность всех вещей в ее чистой истине» [12, s. 10].

Несмотря на то, что Бенеке дает ярчайший образец интернационального аргумента коммуникативного типа, его использование имело для него, как уже было отмечено, значительные отрицательные последствия, включая обвинения в отсутствии привязанности к родине. Клаус Христиан Кёнке в этой связи цитирует едкое замечание в одном из немецких сочинений по истории философии 1851 г., где говорится, что «рождение этого сенсуалиста в немецком городе – это ошибка» и что его симпатии связаны совсем не с Германией и Берлином, где он действительно родился [21, s. 72].

Ситуация, однако, самым существенным образом меняется к концу XIX в., что в целом коррелирует с описанным быстрым процессом интернационализации научной коммуникации на рубеже XIX–XX вв. Ярким примером действенности интернационального аргумента коммуникативного типа является его использование Германом Эббингаузом в полемической работе «Об объясняющей и описательной психологии» (1896) [17], направленной против проекта «описательной и аналитической психологии» Вильгельма Дильтея (1894) [15]. Эта критика была оставлена Дильтеем без ответа, а в его творчестве наступил многолетний перерыв, воспринимавшийся учениками и современниками как определенный разрыв с предше-

ствующей работой. Дело здесь, очевидно, не только в личной реакции Дильтея, остро переживавшего этот эпизод¹. Травма, полученная Дильтеем, впрочем, была настолько сильной, что он даже отказался принять приглашение Теодора Липпса выступить на третьем Международном психологическом конгрессе (Мюнхен, 1896) из-за нежелания встретиться там Эббингауза². В глазах профессионального сообщества Эббингауз действительно одержал в этой дискуссии аргументированную победу. Показательно здесь мнение Эдмунда Гуссерля, который в ранний период развивал собственный вариант «дескриптивной психологии». В своих лекциях по феноменологической психологии он называет возражения Эббингауза на работу Дильтея «блестяще написанными» и констатирует следующий исход этой полемической атаки: «В любом случае успех поначалу оставался на стороне экспериментальной психологии – в том числе и в глазах наблюдавших со стороны философов» [20, s. 20].

Аргументация Эббингауза имеет развернутый и многоаспектный характер, который здесь может быть изложен лишь схематичным образом. Первую часть работы он посвящает подробной экспликации хода рассуждений и основных критических аргументов Дильтея в адрес «объясняющей психологии». Лишь в конце этого обзора он делает несколько предварительных критических замечаний, которые играют далее ключевую роль в его аргументации.

Проект описательной психологии не просто дополняет, но заменяет собой объяснительную психологию.

Описательная психология имеет привилегированный по отношению к объясняющей психологии эпистемологический статус: «она стремится к чему-то другому – принципиально иному и лучшему» [17, s. 55].

Предлагается проект учреждения некоторой совершенно новой науки: Дильтей, согласно Эббингаузу, «сразу полностью преобразовывает пределы своей науки. Тем самым мы получаем слишком много рамок (*sehr viel Rahmen*), но, к сожалению, очень мало связи» [17, s. 56].

В основной части своей работы Эббингауз разворачивает и детализирует свою критическую аргументацию по этим и другим направлениям, которую можно свести к следующим основным тезисам.

¹ В своем обстоятельном изложении обстоятельств этого спора Фритьоф Руди отмечает «необычайную остроту полемики» Эббингауза [30]. Подборку материалов по дискуссии см. также в [31].

² Дильтей писал графу Паулю Йорку фон Вартенбургу (10.III.1896), что не хочет «ни при каких обстоятельствах находиться с ним в одном помещении» [16, s. 210].

Психология развивается вместе с другими науками и является частью этого развития. Дильтей не говорит ничего нового в области психологии в части необходимости отказа от модели старой ассоциативной психологии, оперировавшей механическими метафорами физики и химии. Эта модель, согласно Эббингаузу, давно отклонена и преодолена с опорой на современные биологические модели. Психология, таким образом, имеет историю совершенствования, двигаясь в своем развитии вместе с другими науками, но эта особенность отнюдь не свидетельствует против нее.

Необходимо обращать внимание на актуальное и при этом интернациональное состояние научных исследований. В части критики этой старой модели ассоциативной психологии Дильтей соотносится только с одной немецкой школой – И.Ф. Гербарта и гербартианцев. Он не только игнорирует современное ее состояние, которое далеко не совпадает с гербартианством, но, имея в виду гербартианскую модель, пренебрегает интернациональным характером научных психологических исследований: «Герbart, конечно, приобрел значение в пределах Германии. Но его метафизическая изощренность, его необоснованные фикции, его мифологемы всегда служили ему преградой для выхода за ее пределы. Английская ассоциативная психология, напротив, приобрела интернациональный характер» [17, s. 62]. Таким образом, *отсылка к зарубежной науке и международному состоянию исследований в этой области* является у Эббингауза действенным приемом критической аргументации.

Наука и научность несовместимы с безошибочностью. Так как проект Дильтея нацелен на достижение в области психологического познания принципиально иного уровня достоверности, то он или не научен или (Эббингауз, щадя, кстати, Дильтея, избирает именно этот вариант смягченного аргумента) надеется достичь того, чего достичь не может. Фактически у Эббингауза мы имеем дело с вариантом формулировки демаркационного критерия *фальсифицируемости* научного знания: «Дильтеевские дополнения пробелов опыта не более и не менее гипотетичны, чем предположения других психологов; и в этом важном пункте между ними нет ни малейшего различия. Заполнение этих пробелов должно быть «угадано», в этом мы вновь убедились. Но где угадывается, там может быть угадано ложно; привилегии правильного угадывания не имеет никто» [17, s.76]. Данный узловый момент аргументации Эббингауза разворачивается как раз в связи с ключевым содержательным моментом дискуссии – вопросе о структуре психической жизни, связки которой,

согласно Дильтею, объяснительная психология конструирует, а предлагаемая им должна аналитически описывать.

Таким образом, если отвлечься от детальных содержательных аспектов полемики Эббингауза с Дильтеем, а рассмотреть ключевые элементы его полемической стратегии, то она сводится к тому, что проект описательной и анализирующей психологии Дильтея вступает в противоречие с тремя основными характеристиками научного знания: *его постепенным историческим развитием, его коммуникативной коллегиальностью, имеющей интернациональный характер, его фальсифицируемостью и вытекающим из этого нормативным отказом от привилегированного эпистемологического доступа к эмпирической реальности*. Данная аргументация в целом соответствует основным современным демаркационным моделям научного знания, понимаемого как исторически-изменчивая, коммуникативно-связная и при этом (в части познания эмпирической реальности) ограниченная в плане достоверности своих результатов область познания. Так, часть аргументации Эббингауза, которая включает в себя интернациональный аргумент, не имеет при этом ни прагматической, ни статусной составляющей – он лишь указывает на то, что позиция Дильтея является слабой в силу изоляции от более широкого интернационального коммуникативного контекста и замкнутости лишь на контекст национальной науки.

Критика Эббингауза оказалась успешной в силу еще одного фактора, которая отсылает нас к одному из моментов рассмотренной выше аргументации Ф.Э. Бенеке. Последний отмечал, что изоляция от интернационального коммуникативного сообщества негативным образом сказывается и на состоянии самой этой замкнутой коммуникативной среды, стимулируя ее прогрессирующую фрагментацию также в пределах самого национального и культурно-языкового контекста. В этой связи следует добавить, что ситуация, при которой на стороне Дильтея в этой дискуссии не выступил никто, можно рассматривать как результат подобного же эффекта фрагментации, зафиксированного уже Бенеке. Дильтей вводит своей проект описательной и анализирующей психологии с чистого листа, намереваясь в одиночку переопределить предмет и метод психологии. Однако в действительности в последней трети XIX в. формируются несколько основных вариантов дескриптивной психологии, которые представляют собой попытки философов и философствующих психологов предложить такой подход к изучению сознания, который бы не совпадал с подходами экспериментальных психоло-

гов, ориентированных на использование натуралистических моделей объяснения. Самостоятельный проект Дильтея является лишь одним из них. Второй связан с работой «Психология с эмпирической точки зрения» Франца Brentano (1874) [14], а также работами его многочисленных учеников и последователей (включая Карла Штумпфа и раннего Гуссерля). Наконец, третий разрабатывался в «мюнхенской школе психологии» Теодором Липпсом и множеством его учеников, позднее составивших основной костяк раннего феноменологического движения [33]. Иными словами, речь идет о весьма широком течении, в русле которого проект Дильтея является всего лишь одним из вариантов широкой и процветавшей в конце XIX в. программы философской «описательной психологии». То, что Дильтей оказался один на один с резкой критикой Эббингауза, можно объяснить тем, что он проигнорировал наличие сходных программ в Германии и Австрии, что и свидетельствует как раз об указанном еще Бенеке процессе прогрессирующей фрагментации коммуникации в силу отказа от интернационального горизонта коммуникации в науке.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. можно зафиксировать наличие в немецкой философско-гуманитарной среде таких условий, при которых интернациональный аргумент коммуникативного типа становится весьма действенным инструментом полемики и аргументации.

Данный вывод является не просто еще одной исторической иллюстрацией к описанным в начале статьи общим процессам интернационализации как в науке, так и в других областях общественной жизни. Он заставляет нас более критически отнестись к тезису о континуальном развитии немецкой философии в период с XIX в. до прихода к власти национал-социалистов в 1933 г., широко распространенному в современной исследовательской литературе. Приведем несколько примеров такой континуалистской трактовки. Так, Г. Шнедельбах завершает свой анализ проблематики немецкой послегегелевской философии именно 1933 г. [34]. Сходным образом на проблему периодизации смотрит и Фриц Рингер, выстроивший свою концепцию «немецких мандаринов» в границах периода 1890–1933 гг. [9]. В одном из современных стандартных немецких учебников по философии, вышедших в том числе под редакцией Г. Шнедельбаха, дан следующий комментарий относительно значения границы, связанной с Первой мировой войной: «1918 год вообще не является философским переломом, что, возможно, объясняется тем, что немцы после политических катастроф еще бо-

лее интенсивно старались связать себя со своей традицией, образующей их как культурную нацию» [24, s. 13]. Данный тезис, на наш взгляд, верен только в том отношении, что поражение немцев в войне привело также к своеобразной мобилизации национальной культуры вокруг собственной традиции. Но именно это и противоречит тенденции к интернационализации научной коммуникации в довоенной университетской науке и философии, активно и полемически-продуктивно апеллирующей к международному научно-философскому контексту.

Процессы дезинтеграции международной коммуникации в философской среде в ходе Первой мировой войны сегодня хорошо описаны. Значительную роль тут сыграло активное включение интеллектуалов фактически во всех воюющих странах в пропагандистскую кампанию. «Чистые философы идут на войну», – так охарактеризовал этот процесс в Германии Мартин Куш [23, s. 213]¹. Риторика, сопоставимую с немецкой, вполне можно обнаружить и в России в этот период [10]. Если говорить о русско-немецких отношениях, то с началом войны в России прекратил свой выход Международный ежегодник по философии культуры «Логос» – уникальный немецко-российский журнальный проект². С другой стороны, в послевоенный период со стороны стран-победительниц также предпринимались целенаправленные шаги по исключению Германии из интернациональных научных связей. Так, на Конференции международных научных организаций в Лондоне в 1918 г. было принято решение отстранить немецких ученых от международных мероприятий на двадцать лет [32, s. 520]. Совокупность этих факторов, связанных с Первой мировой войной, привела к значительному снижению международной интеграции в среде немецких ученых и философов, что и следует, на наш взгляд, рассматривать в качестве важнейшего фактора самоизоляции значительного сегмента немецкой университетской науки, описанной в том числе Ф. К. Рингером. В то же время общая тенденция в немецкой университетской среде до начала войны имела прямо противоположную направленность и была нацелена на расширение значения интернациональной коммуникации. Таким образом, тезис о континуальном развитии немецкой философии в первой трети XX в. не является состоятельным в этом аспекте.

¹ Ср. также [9, с. 218–239].

² Подробный обзор истории «Логоса» см. в [22]. См. также наше компаративное исследование влияния различия институциональных сред в России и Германии на содержательную модификацию философской программы журнала в этих различных контекстах [4].

Список литературы

1. Андреев А. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. – М.: Знак, 2005.
2. Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. под ред. В. Куренного. – М.: Логос, 2001.
3. Колчинский Э. (Ред.). Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
4. Куренной В. Межкультурный трансфер знания: случай «Логоса» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2008–2009 год [9] / под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. – М.: Регнум, 2012. – С. 133–217.
5. Куренной В. Полемика профессионалов: конкуренция и опровержение исследовательских программ в современной философии // Философско-литературный журнал «Логос». 2010. – № 6 (79). – С. 3–36.
6. Куренной В. Психологизм и его критика Эдмундом Гуссерлем // Логос. – 2010. – № 5. – С. 166–182.
7. Кьосев А. Университет между фактами и нормами // Отечественные записки. – 2002. – № 2 (3), 2002. – С. 82–98.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. – С. 419–459.
9. Рингер Ф. К. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. – М.: Новое лит. обозрение, 2008.
10. Эрн. В. Ф. От Канта к Круппу // Меч и Крест: ст. о современных событиях. – М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1915.
11. Bayertz K., Gerhard M., Jaeschke Walter (Hgg.) Weltanschauung, Philosophie und Naturwissenschaft im 19. Jahrhundert. Bd. I: Der Materialismus-Streit; Bd. II: Der Darwinismus-Streit; Bd. III: Der Ignorabismus-Streit. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2007.
12. Beneke F. E. Kant und die philosophische Aufgabe unserer Zeit. Eine Jubelendschrift auf die Kritik der reinen Vernunft. Berlin, Posen und Bromberg: Druck und Verlag von Ernst Siegfried Mittler, 1832.
13. Boli J., Thomas G. M. (Eds.) Constructing World Culture. International Nongovernmental Organizations since 1875. – Stanford University Press, 1999.
14. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Bd. I. Hrsg. von O. Kraus. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1973.
15. Dilthey W. Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie // Dilthey W. Gesammelte Schriften. V. Band. Die geistige Welt. Einleitung in die Philosophie des Lebens. Erste Hälfte. Abhandlungen zur Grundlegung der Geisteswissenschaften. 8., unveränderte Edition. Stuttgart/Göttingen: G. Teubner Verlagsgesellschaft / Vandenhoeck & Rupprecht, 1990.
16. Dilthey W., von Wartenburg P. Y. Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Paul York von Wartenburg, 1877–1897. – Halle: Verlag Max Niemeyer, 1923.
17. Ebbinghaus H. Über erklärende und beschreibende Psychologie // Rodi F., Lessing H.-U. (Hgg.) Materialien zur Philosophie Wilhelm Diltheys. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.

18. Israel J. *Radical Enlightenment: Philosophy and the Making of Modernity, 1650-1750*. – Oxford University Press, 2001.
19. Jackson J. A. (Ed.) *Professions and Professionalization / Sociological Studies*, Vol. 3. Cambridge University Press, 1970.
20. Husserl E. *Husserliana*. Band IX. *Phänomenologische Psychologie*. Den Haag. 1968.
21. Köhnke K. Ch. *Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus: Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
22. Kramme R. *Philosophische Kultur als Programm. Die Konstituierungsphase des LOGOS // Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850-1950*. Hrsg. von Treiber H., Sauerland K. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995. S. 119–149.
23. Kusch M. *Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge*. London – New York: Routledge, 1995.
24. Martens E., Schnädelbach H. (Hgg.) *Philosophie. Ein Grundkurs*. Band I. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 1991.
25. Momsen W. J. *Der Erste Weltkrieg: Anfang vom Ende des bürgerlichen Zeitalters*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2004.
26. Osterhammel J. *Die Verwandlung der Welt: Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*. München, C. H. Beck Verlag, 2009.
27. Norrback M., Ranki K. (Eds.) *University and Nation. The University and the Making of the Nation in Northern Europe in the 19th and 20th Centuries*. – Helsinki: SHS, 1996.
28. Parsons T. *Professions // The International Encyclopedia of the Social Sciences*. –New York: Macmillan, 1968.
29. Rath M. *Der Psychologismusstreit in der deutschen Philosophie*. Freiburg (Bresgau) – München: Alber, 1994.
30. Rodi F. *Die Ebbinghaus-Dilthey-Kontroverse. Biographischer Hintergrund und sachlicher Ertrag // Ebbinghaus-Studien*. Hrsg. Von W. Traxel. 2. Passau, 1987. S. 145-154.
31. Rodi F., Lessing H.-U. (Hgg.) *Materialien zur Philosophie Wilhelm Diltheys*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.
32. Rüegg Walter (Hg.) *Geschichte der Universität in Europa*. Bd. 3: *Vom 19. Jahrhundert zum Zweiten Weltkrieg (1800–1945)*. – München: C. H. Beck, 2004.
33. Smid R. *«Münchener Phänomenologie» – zur Frühgeschichte des Begriffs // Pfänder-Studien*. Hrsg. von H. Spiegelberg und E. Avé-Lallemant (*Phaenomenologica*, 84). –The Hague/Boston/London, 1982.
34. Schnädelbach H. *Philosophie in Deutschland 1831–1933*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991.